

U 11
406

МУЧЕНИКИ ИДЕИ

ВОСПОМИНАНИЯ

АННЫ АЛЕКСЕЕВОЙ-ДУБРОВО

ОДЕССА — 1926

U $\frac{11}{406}$

В этих воспоминаниях краски не только не сгущены, а смягчены.

Раньше, как только я начинала говорить о пережитом, я начинала заикаться так сильно, что не могла говорить дальше.

Подкоп под Херсонское Казначейство.

хлп 27434

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Шедших дорогой тернистою
Мявший стопою нечистою,
В страшной, неравной борьбе,
Вечная память тебе!
Память позорная мысли гонителю,
Память укорная злему мучителю!
Неизгладимая, непоправимая, безчело-
вечная,
Вечная, вечная память тебе!

1878 год, Августа 2-го, 4-го дня.

Свершилась смертная казнь над чистейшим пропагандистом, исследователем различных религиозных сект и, главным образом, штундисткой. Расстреляли Ивана Мартыновича Ковальского по натуре противника террора и всякого рода насилий, по приказу шефа жандармов Мезенцева, которому развратный и трусливый царь Александр II вручил судьбу всей России. Непосредственно за этим террористы — революционеры казнили Мезенцева.

Акт этот был совершен блестяще в том отношении, что участники этого дела не были обнаружены и что казнь эта была совершена сейчас же непосредственно за казнью Ковальского.

После этого царь разделил всю Россию просто-на-просто на генерал-губернаторства, предоставив безконтрольную власть каждому генерал-губернатору в его владениях.

В Одессу назначен был Тотлебен; правой рукой его, известный своею безграничною жестокостью, Панютин.

Тут то и началась в буквальном смысле слова вакханалия: арестовывали всех, кто носил стриженные волосы, всех, кто носил шляпу с полями, кто имел в руках тросточку, кто надевал плед и т. д. и т. д.

Тринадцатилетние дети наполняли тюрьмы как политические преступники. „Вы кто такая“ спрашивает преступница другую. „Я, и я политическая“, отвечает ей та с гордостью. „За что вы меня арестовали и держите в одиночном заключении вот уже восемь меся-

цев“ спрашивает пожилая женщина Панютина. „За то, что вы родили такую ужасную дочь“, был грубый ответ. Ужасная дочь скрыла своего мужа.

Убивают 16 летнего мальчика Сомова за то, что он обругал царя. „Бей до полусмерти“, было лозунгом тогдашнего правительства.

Караульные солдаты, ходя по тюремному коридору, взволнованно шепчут: „а черт его знает как до полусмерти... надо скрыть следы, давай обольем мертвеца керосином... скажем сжег себя“...

Эта мысль кажется им блестящею... Она приводится в исполнение и следы тяжкого гнусного преступления скрываются. Караульные так взволнованы, что позабыли о том, что здесь за дверьми сидят заключенные которые могут услышать их. Да и что им могут сделать заключенные?!.. Воля Панютина превыше всего...

Времена эти напоминали времена Ивана Грозного. И следствием этого безвременья было то, что с одной стороны развивалась

чрезмерная паника, с другой нарастали, как грибы в дождливую погоду, фанатики, защитники обиженных, угнетенных.

Под этим впечатлением выделилась группа революционеров, отколовшаяся от партий и решившая за свой риск и страх всеми возможными способами бороться с угнетателями.

Для такой борьбы нужны деньги и деньги. Остальное все приложится, все пойдет как по маслу...

1867 — 1879 г.

Не помню какой именно это был год. 1867 или 1868... Меня с моей меньшей сестрой привели в образцовую школу девиц Витен. Школа эта помещалась в доме Попуда и выходила окнами на Соборную площадь.

Помню как мы с сестричкой были поражены тем, что при входе представилось нашим глазам:— всюду чучелы животных и зверей... Но какие! Совсем живые!! Мы с сестрой остались одни и подбегали то к одному, то к другому, рассматривая его внимательно,

чтобы убедиться не живой ли этот зверь, не настоящий ли... Помню, как мы хотели засунуть пальчик в оскаленную пасть тигра и как одергивали, боясь, что зверь откусит пальчик.

Школа девиц Витен славилась тогда на всю Одессу как образцовая, которая могла гордиться не только своим оборудованием, но и учительским персоналом. Образование в ней велось по последнему слову науки, что страшно не нравилось царскому правительству.

Вышла к нам красивая стриженная брюнетка с умными, огненными и, в то же время в высокой степени, добрыми глазами, лет 20-22-х не более... Обласкала нас, приголубила. Это и была Елена Ивановна Россикова, урожденная Витен, отдавшая себя и свое большое состояние (тогда у обеих сестер было восемьдесят тысяч рублей) на дела служению благу народному.

Та самая Россикова, которая после страшной, неравной борьбы с правительством царизма, решила выбрать иной путь.

Как честно, как смело, как правдиво звала она своего любимого мужа пойти с нею по иному пути!

Письмо ее к мужу, как одно из усугубляющих вину обстоятельств, читалось на суде 15 января 1880 г., когда она судилась за ограбление Херсонского казначейства посредством подкупа, совершенного в 1879 г. в начале июня месяца...

Страдая, тяжело страдая от неудач, от казней, к которым приговаривали дорогих ее сердцу молодых людей, беззаветно отдававших себя в жертву за народное благо, она задумала громадное дело: посредством подкупа достать много, много денег и освободить из тюрем тех, которых ждала неминуемая казнь. Она говорила: взять в казначействе царские деньги это не значит украсть; это значит — конфисковать у царя, как он много раз конфисковал у политических деятелей. Это она и сказала на суде в своей последней речи, хорошо понимая, что ответственность за это увеличивается во сто крат.

Да, разочарованная путем легальной борьбы с неправдой и тьмой, она вернулась на дорогу тернистую, тяжкую, полную муки жертв.

Как фанатик, она не остановилась на полпути. Она шла твердым, уверенным бесспорным шагом.

Деятельное участие в подкопе принял Федор Николаевич Юрковский, увлекавшийся тогда мечтою об освобождении из тюрем заключенных друзей.

Подкуп был вполне удачен. Денег можно было взять двадцать пять миллионов рублей, а взято было лишь полтора, так как не было людей, которым можно было бы доверить, при том же многие из партии были против такого рода действий как ограбление.

Что скажут французские коммунары? Это страшило многих.

Елизавета Николаевна Южакова отказалась поэтому помогать Россиковой, несмотря на дружбу с нею и полную солидарность во всем прочем.

Я отказывалась принимать участие в каком бы то ни было деле, так как тогда именно была под тяжким впечатлением смерти, неожиданной смерти от дифтерита, который длился лишь несколько дней, любимейшей младшей 19 летней сестры. Я безумствовала, ложилась с нею в гроб, галлюцинировала была в летаргическом сне... Николай Лукич Властопуло, близкий друг Юрковского, арестован. Лучшие силы заняты погоней за Александром II.

Раскол этот несомненно был губелен для дела Россиковой и Юрковского.

И вот при таких неблагоприятных условиях Россикова и Юрковский Федор Николаевич решили не откладывать облюбванного ими дела, в виду надвигавшихся виселиц... Надо было спасать дорогих друзей, надо было освободить из тюрем мучеников идеи.

Пришлось работать только вдвоем Россиковой и Юрковскому.

Ничто и никто не мог отвлечь их от этого дела, полного несомненного риска.

Я, заразившаяся тогда дифтеритом и нервно больная, жила в Севастополе.

Росикова обратилась за помощью к одному уголовному, Клименко-Погорелову, который когда-то строил дом где находилось казначейство, а тот взял в помощь молодую свою жену восемнадцатилетнюю Морозову, она то и погубила впоследствии окончательно все дело.

Предвидя все недочеты, могущие произойти от того, что в таком серьезном и рискованном деле участвует чуждый элемент, Юрковский вызвал меня телеграммой, несмотря на то, что я была больна. Получив телеграмму, я тотчас же выехала и решила помогать.

Нам с Юрковским удалось закопать полмиллиона рублей в г. Алешках, где он снял квартиру на имя моей матери, не посвященной ни во что.

Целый же миллион и различные бланки для паспортов Россиков вместе с Погореловым увезли в мешках на возу в одно из селений под Херсоном.

И это только потому, что некуда было девать с таким трудом и риском доставшихся денег.

А риск по истине был велик. Все время когда я пишу о подкопе Херсонского казначейства я ясно, ясно слышу й-й-й-кание ведер, которыми вытаскивали землю из тунели, проводимой из квартиры Россиковой под казначейство. На углу квартира Россиковой, на противоположной стороне казначейства; громадный двор, саженей в 159, разделяет квартиру Елены Ивановны от казначейства, у стены казначейства ходит часовой с ружьем.

Подходя к квартире Россиковой, я чувствую колотье в икрах ног, ноги подкашиваются, душа замирает, сердце страшно сжимается от этого й-й-й-кания ведер. Замечают ли друзья как опасно их предприятие? Слышат ли они это опасное икание ведер, раздающееся протяжно и ясно слышное еще за квартал до их квартиры?! Жара... духота... окна раскрыты и лишь защищены

ажурными низко спускающимися занавесями... Несмотря на мрачное удрученное состояние, я дрожу за своих друзей... Доведут ли до конца, неотступная, неотвязная мысль...

Вхожу в светски убранную, вполне приличную комнату... прохожу дальше в соседнюю — полнехонько земли, в третью то же, в четвертую то же. Юрковский лежит в бреду прямо на земле; его бьет перемежающаяся кавказская лихорадка... Россикова и Погорелов вытаскивают в ведрах землю... помогаю... тяжелая работа... Когда у Юрковского нет приступа лихорадки, работа идет веселее, легче: он силен и очень энергичен; работа пересыпается остроумными шутками.

После моего предупреждения ведра чем то смазываются и не так отчаянно икают, а все же икают.

Незачем больше предупреждать: это надо-едает увлечшимся работникам. Все равно они будут продолжать спешно свое. Это истинные фанатики, им нет ни до чего дела; у них

есть свое, неотложное; они срослись с мыслью о нем; они прикреплены к нему.

Как и следовало ожидать, Россикова и Погорелов были вскоре задержаны с личным.

Чтобы скрыть участие других, приходилось укрывать Морозову. Не желавшая вмешиваться в это дело, Елизавета Николаевна Южакова, вынуждена была взять на себя этот тяжелый труд. Укрыть и укрыться не удалось. Морозова арестованная стала выдавать всех кто заходил к Россиковой хотя бы один раз и лишь с целью проведать.

Если бы не настояние Морозовой, что пол миллиона рублей находится у Сашки инженера (прозвище Юрковского, данное ему Погореловым, так как он один вел и руководил подком) где то в Алешках, мы были бы спасены.

В первых числах июня 1879 г. Юрковский привез 2 корзины, на которых был тонкий слой вишень. Он смело проехал весь Херсон, смело заскочил с корзинами в разменную лавочку, где посетители пробовали вишни и

явился в Алешки, не навлекая на себя ни малейшего подозрения.

Совершенно удачно, в ту же короткую ночь, мы зарыли пол миллиона рублей в конце огорода под кустом, который очень хорошо принялся, так как тотчас же после нашей работы прошел небольшой дождь... Следа не было никакого... Мы выжидали... за деньгами никто из друзей не приезжал... Помощи ни откуда... Чувствовалась невероятная безнадёжность... Покинуть... уехать... скрыть следы... жаль денег... взять с собою — значит окончательно погубить дело... Так длилось несколько томительных дней.

Я едва убедила Юрковского уехать, оставить меня одну.

В нем сильно заговорило рыцарское чувство: покидать женщину одну, взвалить всю ответственность на почти неповинного в этом деле человека! нет! это невозможно. Раньше много раз я указывала на то, что при таких условиях дело провалится: уголовные не могут работать на ряду с идейными деятелями.

Мне как дочери бедняка народного учителя, которого перегоняли из одной деревеншки в другую за слишком большую прямолинейность, дочери умершего от голода в 1868 году в центре города Одессы на Ямской в доме Вицмана*) (см. Отеч. Зап. за 1872 год) мне, конечно, виднее была разница между идейным фанатиком, отдававшим себя всецело на служение народу и бедняком, думающем лишь о приобретении куска насущного хлеба.

Словом, после долгих и горячих пререканий мне удалось убедить Юрковского таким доводом: ты свободный можешь многое сделать для заключенных; у меня же нет сил уже потому, что после смерти Сашуты, апатия гложет меня... Я не работник...

Проводив Юрковского на пароход, я вернулась к себе. В тот же день была арестована и благословляла судьбу, что спасла жизнь близкому человеку.

*) Тогда отец был уже в отставке и наша большая семья из 11 человек ютилась в крошечной квартире состоящей из одной комнаты и кухни.

Месяца полтора не находили денег, зарытых нами, не смотря на то, что несколько раз был перерыт весь дом.

Назначенные казни были приостановлены... Упорные слухи носились тогда, что причиною этого были не найденные пол миллиона рублей. По тому времени это был огромный капитал.

Когда выяснилось что живший со мною, в Алешках был не брат Андрей Алексеев, а Федор Николаевич Юрковский, решили вновь в г. Алешках перерыть все. И вот после того как меня хотели уже выпустить и выпустить исправника Моловичко, упустившего из рук Юрковского, арестованная тогда Морозова настаивала, что деньги у нас в корзинах, что то были не вишни, а деньги.

Приказано было перерыть весь громадный огород и... деньги найдены.

Добродушный исправник Моловичко, поверивший мне на слово, что в корзинах были лишь вишни, в доказательство чего я принесла ему показать чудное варение из

вишень, был помещен над моею камерою. Как он мучил меня укорами, просьбами выдать того, кого я назвала братом Андреем! Как он оскорблял меня! Царский прислужник сказался в нем тогда ярко, ярко... Его не выпускали, так как не хватало десяти тысяч. Их взяла с собою 18-летняя девушка, Лиля Терентьева, гимназистка, приехавшая в Херсон помочь нам; но больше денег взять с собою боялась, чтобы не быть замеченою.

Впоследствии она показала, что истратила эти деньги на революционное дело. Она была замучена в Питере жандармами.

Предполагали что эти деньги были даны Маловичке как взятка. Маловичко был чист. Мы ни копейки не могли бы дать ему, так как считали эти деньги не своими, да у нас и не было их на руках... Мы слишком были брезгливы, щепетильны, строги к себе, чтобы распорядиться деньгами, предназначенными для другого дела.

Арестованную Россикову бросили в подвал морили голодом, не давали в течение

восьми месяцев ни чистого белья, ни гребешка... Можно себе представить во что обратилась эта женщина! Исхудавшая, измученная, с колтуном на голове... Она была страшна. Но ум не покидал ее... Ненависть к царскому правительству, ясно выраженная в ее речи на суде была так сильна, так обоснована, что становилось жутко... Она не была подсудимой — она была судьей...

Все мы были приговорены к виселице, кроме уголовных, конечно, Погорелова и Морозовой. Моловичко был освобожден с лишением права поступать на должность.

Россиковой отменили смертную казнь за ее несомненные заслуги во время Турецкой войны в 1876 и 1877 гг. Она была сестрой милосердия как раз тогда, когда свирепствовали самые тяжкие эпидемические болезни и от солдат получила георгиевский крест. Вешать такую скромную, великодушную, честную, самоотверженную сестру милосердия было зазорно даже для царского правительства.

Казнь заменили ей вечной каторгой.

Меня и Елизавету Николаевну Южакову за молодостью и посредствующее участие на вечное поселение с лишением всех прав, как гражданских, так и имущественных. Южакову приобщили к другому делу и отделили от нас.

Меня и Елену Ивановну отправили в Московскую пересыльную тюрьму, где мы должны были оставаться до весны, когда начнется отправка партии в Сибирь.

Поместили нас в Пугачевскую башню. Добрый смотритель Московской тюрьмы разрешил нам поместиться в одной камере... Тут я заметила, что Елена Ивановна психически больна... Не выдержала, сломилась богато одаренная натура!

Благодаря смотрителю, который доставлял нам книги, мы много читали. Елена Ивановна помогала мне изучать французский язык.

Ночь... мертвая тишина... раздается лишь по временам томительное „слу... у... шай, слу... у... шай...“... Уснуло все... спит уже и в

среднем этаже чудная певица-самородок Гапка Ищенко, она же злостный провокатор и шпионка. Сидим на кроватях, снятых с цепей... На день они привешиваются к стене, чтобы можно было повернуться в крошечной гробообразной камере... Стула, конечно, не полагалось... Крошечный, тоже прикрепленный к стене, столик... у входа „параша“*) ... Вдруг обе слышим совершенно ясно шорох под моею кроватью... Ясно, до чрезвычайности ясно, кто то повернулся под нею.

„Тш... тш...“ прошептала Россикова, „это Гапка подползла к нам змеею“. Тут я окончательно убедилась, что дорогое близкое мне существо, умалишенное.

На рассвете тоскливо ворковали голуби... „Ты думаешь, это голуби“, говорила мне Елена Ивановна, „нет, это души замурованных в этих стенах“... Сомнения нет, со мною

*) Деревянная ночная посуда, старая-престарая, из которой, не смотря на все старания заключенных, исходило ужасное зловоние.

больной человек... Да и что мудренного после того, что пережила эта мученица!..

Когда арестовали Россикову и Погорелова, последнего избивали в ее присутствии, требуя выдачи денег и соучастников. Надзиратель, бывший Погорелова, поднял было на Россикову руку... „Я не защищалась“ говорила она мне, „я только посмотрела на него в упор, рука опустилась“.

Губернатором в Херсоне был друг ее отца, завзятый либерал, повлиявший на нее в юношеском возрасте так, что она всем сердцем, чистым сердцем своим, полюбила угнетенный народ... Она не остановилась на полупути... Она без расчета двинулась вперед и вперед.

И вот этот самый губернатор (не могу вспомнить его фамилию), которому она доставила „неприятности“, подкопом под Херсонское казначейство, жестоко мстил ей: вместо камеры — подвал с цементным полом, вместо кровати тонкий слой соломы, брошенный на пол. Кормили селедкой и не давали

пить. Ключник внося графин наполненный водою, показывал его, вертел его около нее и уносил, недав утолить жажду... Такой молодой женщине, едва достигшей 33-х летнего возраста не давать чистого белья в течение такого долгого времени!..

Всего этого было мало: однажды ночью, совершенно неожиданно, вошла в этот подвал 14 летняя девочка и стала на коленях, целуя руки Елены Ивановны, умолять ее выдать соучастников, чтобы избавить папу от „неприятностей“... Это была бывшая ученица Россиковой, дочь выше упомянутого губернатора.

„Поверишь ли“, говорила мне Елена Ивановна, „большей муки для меня не было: девочку, девочку, любимое мною дитя, прислать уговаривать меня выдать соучастников“...

Они воображали, что нас было много... а всего то 3 человека... Правда, смелых преданных делу, правда — честнейших, самоотверженных. А все же нас было слишком мало!..

Ведь можно было взять свободно 25 миллионов рублей, исключительно царских... Это было в субботу ночью... До утра понедельника много времени...

Самое главное сделано: подкоп совершен. Сундук с деньгами на лицо. Но ни вдовьего, ни сиротского, ни купеческого сундука Юрковский не хотел вскрывать. Они решили взять лишь царские деньги.

И вот за эту то дерзость губернатор Херсонский жестоко карал ту, которая когда то так внимательно слушала его либеральные речи...

Восемь долгих месяцев не разрешал ей ни книг, ни какой бы то ни было работы... Возьмет, бывало, Елена Ивановна несколько соломинок, чтобы сплести из них чтонибудь, подбежит, как бешеный жандарм и вырвет их у нее из рук...

Так длилось до суда, т. е. до 1880 года Января 15 дня.

Вскоре после суда нас отправили в Москву и, как я уже сказала выше, поместили в

Пугачевскую башню, в которой скрывали от уголовных палача, чтобы они не расправились с ним по своему.

От нас тоже скрыли, что внизу был палач... Но женское чутье, а может быть и дедуктивный способ мышления подсказали мне что „Фролка“, как его назвал однажды рано утром невзначай старичек надзиратель, которому было поручено наблюдение за нами, что „Фролка“ никто иной как палач...

Обыкновенно, очевидно с целью скрыть от нас истину, старичек надзиратель называл его Константин, произнося это слово без гласных получалось „Кнстин“... Оно и сейчас ясно звучит в моих ушах.

Во время моего пребывания в Херсонской тюрьме, мне невзначай попался клочек газеты (газеты же вообще были строго воспрещены в тюрьмах), на котором было следующее:

„В России один палач—Фролов, содержится в Московской пересыльной тюрьме“... Я давно уже и забыла об этом клочке газеты... И еслибы не невыразимое отвращение к че-

ловеку, подававшему нам кипяток, хлеб, обед и проч., я бы и не вспомнила об этом.

Добродушный старичек, наш надзиратель, будучи очень занят другими хозяйственными делами, вручал нашу судьбу этому зверю, отдавая ему ключ от нашей камеры.

Однажды ночью этот зверь в нижнем белье, насвистывая и делая какие то призывные знаки, поднялся к нам в верхний этаж, несомненно с низкой целью оскорбить, изнасиловать.

Мы были одинешеньки... Предо мною стояло чудовище с красными выпучеными глазами.

Не думая ни о чем, кроме своего спасения от этого зверя, я кинулась к единственному окну и стала бить его ища защиты... Явился целый взвод солдат, палач предупредительно доложил, что мы хотели бежать.

Сцена была потрясающая... Если бы не умный и честный смотритель, понявший очевидно все мгновенно, мы были бы изрублены в куски. Я совершенно забылась... Я упре-

кала зрителя за то, что он поместил так близко к нам палача... Убейте, убейте нас, но не издевайтесь над нами, говорила я, рыдая... Россикова не проронила ни слова... Только через несколько дней она сказала мне: „ты не была пленницей, ты была повелительницей... Я любовалась тобою... Первый раз я видела тебя такою прекрасною“...

Палача убрали, но след, глубокий след, после этих переживаний, остался...

Я хорошо помню, как вдруг, ни с того, ни с сего обратилась в самого крошечного муравья и залезла, с целью спрятаться, чувствуя ясно свое ничтожество, за спину Россиковой, которая лежала на кровати...

„Стыдись“ резко крикнула Елена Ивановна.

Этот крик отрезвил меня. Я пришла на минуту в себя...

Росикова страшно страдала от того, что как только были найдены деньги, казни свершились.

Никогда в жизни я не слыхала ни до, ни после того (мне уже без нескольких месяцев 70 лет) такого вздоха, какой был у Елены Ивановны...

Прошло почти полстолетия, а я и сейчас слышу этот вздох.

Незабываемый вздох, душу раздирающий, какой то трехэтажный вздох...

О П Е Ч А Т К И.

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
6	4 строка снизу	спрашивает преступница	спрашивает такая преступница
10	4 строка снизу	конфисковал	конфисковывал
11	2 строка сверху	вернулась	ринулась
13	3 строка снизу	Россигов	Россигова
25	1 строка сверху	внося	вносил